

ОЗВУЧИВАНИЕ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА. КОРПУСНЫЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСОДИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУР ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Янко Т. Е. (tanya_yanko@list.ru)

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

В работе анализируется коммуникативная структура предложений с начальным расположением группы, обозначающей новую информацию. В качестве точки отсчета используется анализ предложений с начальным новым, предложенный в работе [Ковтунова 1979] на примере текстов Пушкина и Л. Толстого. Русисты традиционно использовали для проверки своих научных гипотез тексты русских писателей. В настоящее время доступность текстов русской классики, озвученной лучшими носителями русской речи, и разработка современных компьютерных систем анализа устной речи, открывает доступ к интонационной структуре звучащего текста. Интонационная структура, в свою очередь, позволяет реконструировать коммуникативную структуру предложения, т. к. в устной речи интонация — это основное средство выражения коммуникативных значений. Для анализа создан исследовательский массив звучащих текстов русской классической литературы. Рассматриваются структуры, которые реально используются актерами, предположительно не читавшими работ И. И. Ковтуновой. В целом, корпусный и инструментальный анализ полностью подтверждает гипотезы И. И. Ковтуновой, сделанные на основе метода интроспекции, однако существенно расширяется спектр коммуникативных структур, возможных при реализации предложений с начальным новым.

Ключевые слова: коммуникативная структура, интонация, тема, рема, корпусные методы, чтение, звучащая речь, инструментальный анализ, данное, новое

¹ Работа над темой выполнена при поддержке РГНФ (грант 12-04-00258) и Президиума РАН по теме «Разработка компьютерной модели «Смысл — Звучащая речь» и электронной базы данных для ее поддержки» 2012–2014.

CORPUS AND INSTRUMENTAL METHODS IN ANALYSING FICTION AUDIO RECORDINGS

Yanko T. E. (tanya_yanko@list.ru)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This paper aims at analyzing the communicative structure of sentences with new information placed sentence-initially. The point of departure is the analysis of the examples from Pushkin and L. Tolstoy discussed in [Kovtunova 1979]. Russian linguists traditionally used Russian classical texts for verifying and exemplifying their scientific hypotheses. Currently, a vast amount of fiction read by the best actors and the development of convenient systems of spoken speech analysis, such as Praat or Speech Analyzer, open an easy access to the prosodic structure of a sentence. The prosodic structure, in its turn, allows of modelling the communicative structure, since prosody is the main means to manifest the communicative division of a sentence into theme and rheme. Availability of modern corpora and tools for investigation demonstrate the prosodic and the corresponding communicative structures really employed by the speakers who voiced over the texts of Pushkin and L. Tolstoy, and who presumably never read I. I. Kovtunova's papers. For investigation, a minor working corpus of sounding texts was set up. The new tools completely confirmed the basic I. I. Kovtunova's findings obtained in the second half of the 20th century by the method of introspection. Nevertheless, some new additions acquired by the use of the new sources of material and the corpus techniques correct the results achieved in [Kovtunova 1979] and substantially widen the variety of theme-rheme structures applicable to the sentences with new information placed sentence-initially.

Key-words: prosody, theme, rheme, given, new, instrumental analysis, corpus methods, reading, communicative structure

В работе анализируется коммуникативная структура предложений с начальным расположением группы, обозначающей новую информацию. В качестве точки отсчета используется анализ предложений с начальным новым, предложенный в работе [Ковтунова 1979] на примере текстов из Пушкина и Л. Толстого. Отталкиваясь от идей И. И. Ковтуновой, мы надеемся внести в ее результаты, полученные методом интроспекции, некоторые уточнения и дополнения, которые стали возможны благодаря доступности современных источников для анализа и компьютерных технологий.

Русисты традиционно использовали для проверки своих научных гипотез тексты русских писателей. В настоящее время произошел резкий сдвиг с анализа письменного языка классической литературы к анализу неподготовленной устной речи. В нашей работе мы предлагаем соединить две традиции — традицию

исследования письменного текста и традицию анализа звучащей речи — и вернуться к письменному тексту, проанализировав задачу его озвучивания. Совершить этот возврат нам позволит доступность текстов русской литературы, озвученной лучшими носителями русской речи. Таким образом, в данной работе ставится задача анализа особого типа звучащей речи: актерского чтения. Одно из преимуществ такого анализа состоит в том, что исследователь получает возможность сравнить стратегии чтения одного и того же текста разными исполнителями. При совпадении стратегий возникает гипотеза о том, что соответствующая просодическая и, соответственно, коммуникативная структура могли войти в замысел автора текста. Мы обратимся к вопросу о том, какие коммуникативные структуры реально используют в чтении Пушкина и Л. Толстого И. Смоктуновский и О. Табаков, предположительно не читавшие работ И. И. Ковтуновой.

Реконструкция коммуникативных структур, реализованных в чтении, становится возможной благодаря анализу интонационной структуры, использованной чтецами, т. е. в звучащей речи интонационная структура служит основным средством выражения членения предложения на тему и рему. Тема манифестируется подъемом тона на ударном слоге акцентоносителя темы, а рема — падением. Специфические коммуникативно релевантные изменения частоты основного тона отличают тему от ремы, а границы темы и ремы — манифестируются способом выбора словоформы-носителя акцентного пика в теме или в реме. Мы не можем осветить проблему выбора акцентоносителя темы или ремы, оставаясь в рамках короткой статьи, поэтому отсылаем читателя к решению, приведенному в [Янко 2008b, 38–60].

Теоретически анализ актерского чтения был доступен и во второй половине 20 века, однако легкого доступа к большим массивам записей, сделанных разными исполнителями, и удобных машинных систем анализа устной речи, таких, как Praat и Speech Analyzer, в то время не было. Технологии верификации перцептивных ощущений слушающего по данным приборов находились в руках специалистов по фонетике, и практика использования звучащих данных и инструментальных технологий специалистами по семантике и прагматике в то время еще не сформировалась. В настоящее время имеется эмпирическая база и технологии работы с ней, что создает основу для соединения двух линий исследования: теоретической и экспериментальной. На фоне традиционной установки русистов на анализ литературного письменного текста, с одной стороны, и направленности исследований последних лет на анализ, наоборот, неподготовленной устной речи — с другой, остается место и для третьей линии — анализа озвученного литературного текста, задачи, которая, с использованием современных средств анализа, насколько нам известно, конкретно раньше никем не ставилась.

Дальнейший план состоит в следующем. Исходной точкой анализа станут примеры из Пушкина и Л. Толстого и то членение предложения, по И. И. Ковтуновой, которое они иллюстрируют. Далее рассматривается актерское чтение этих примеров. Интонация чтения эксплицируется тональными кривыми, полученными с помощью системы анализа устной речи Speech Analyzer. Параллельно с примерами И. И. Ковтуновой на основе описания, которое их сопровождает, рассматриваются и другие, структурно идентичные

исходным предложения из русской литературы. Наблюдаемые интонационные структуры интерпретируются с точки зрения коммуникативного членения, которое ими манифестируется.

Рассматриваемый И. И. Ковтуновой особый тип предложений характеризуется начальным расположением именной группы, соответствующей новой² информации: ... *белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (Пушкин). (Группа, обозначающая новое, выделена разрядкой.) Предложения с препозицией нового дают интересный материал для анализа, т.к. заключают в себе отличную от базовой схему линейного расположения информационных компонентов русского предложения. Базовые предложения строятся по принципу «новое в конце»: *Ей навстречу побежала маленькая собачка*. Препозиция нового ставит перед исполнителем выбор интерпретаций: темой будет препозитивная группа или компонентом ремы? Этот вопрос возникает потому, что в соответствии с базовыми приоритетами русского языка при порождении сообщения сегмент, соответствующий новому, воплощается в рему, получает соответствующий реме интонационный показатель и занимает место ремы в исходе предложения. Между тем в анализируемых предложениях с порядком слов, возникшим под пером Пушкина и Л. Толстого, новое занимает линейное место не ремы, а темы. В результате, возникает вопрос, какой фактор «перевесит» при чтении: если информационный, то новое воплотится в рему, и она тем самым окажется в несвойственном реме месте — начале предложения, если возобладает фактор линейного расположения в предложении темы и ремы, то новое воплотится в тему с несвойственной ей референцией к новой информации. Записи чтения говорят о том, какой выбор делают актеры.

Для реализации плана автором был создан исследовательский массив записей актерского исполнения «Капитанской дочки», «Анны Карениной» и ранних рассказов И. Бабеля. Состав массива объясняется тем, что из «Капитанской дочки» и «Анны Карениной» были взяты примеры И. И. Ковтуновой. Для текстов Пушкина и Л. Толстого расположение нового в начале предложения вообще весьма характерно. Рассказы И. Бабеля также используются для анализа, т.к. в них расположение нового в начале стало специфическим, даже навязчивым, приемом построения текста. В корпусе имеются записи чтения одного и того же текста разными чтецами.

В разделе 1 ниже примеры И. И. Ковтуновой [1979] рассматриваются на конкретном материале актерского чтения. В разделе 2 анализируются другие примеры, имеющиеся в массиве, структурно идентичные исходным. В дополнение к анализу художественной литературы в разделе 3 рассматривается сложившаяся при реализации предложений, также построенных по принципу «новое в начале», традиция чтения текстов дикторами радио и телевидения.

² О противопоставлении данного и нового в информационной структуре предложения см. [Chafe 1976].

1. Интонационная реализация примеров из «Капитанской дочки» и «Анны Карениной»

И. И. Ковтунова пишет: «... в художественной прозе возможны... принципы построения текста, связанные с нестандартными способами введения новой информации... одним из таких принципов является включение новой информации... непосредственно в тему высказывания... Наиболее наглядно этот принцип обнаруживает себя в предложениях, в которых темой служит состав подлежащего, а ремой — состав сказуемого...: *Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции* (Л. Толстой). Приведенное предложение является началом главы и заключает в себе по существу два сообщения: 1) Была страшная буря; 2) Эта буря рвалась и свистела... В логически развернутом изложении новый предмет или явление, выраженное субстантивной группой, обычно вводится в контекст нерасчлененным высказыванием с экзистенциальным глаголом: *Была страшная буря ...* В последующих высказываниях даются характеристики этого явления. Но в художественном повествовании часто происходит сжатие двух сообщений в одно... Ср. другие примеры: *...Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (А. Пушкин)» [Ковтунова, 1979, с. 263].

Итог этой трактовки такой. 1) Предложения с начальным новым имеют коммуникативную структуру Тема-Рема. 2) С семантико-прагматической точки зрения в этих предложениях заключено два сообщения: одно, вводящее в рассмотрение новый предмет или событие ('Была буря', 'Появилась собачка'), и другое, характеризующее этот предмет с той или иной точки зрения ('Эта буря рвалась и свистела', 'Собачка залаяла и побежала навстречу Марье Ивановне').

Предложение (1) из «Анны Карениной» актеры О. Табаков и В. Герасимов единодушно интерпретируют как тему, дополнительно осложненную значением эмфазы.

- (1) *Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции.*

Тонограмма³ чтения примера (1) О. Табаковым на рисунке 1 говорит о том, что начальная группа *страшная буря* интерпретируется как эмфатическая тема, ударный слог акцентоносителя — словоформы *буря* — на тонограмме выделен овалом. О. Табаков читает это предложение в усеченном виде, что не имеет принципиального значения, т.к. основным объектом анализа здесь служит начальная группа.

³ Тонограммы получены с помощью компьютерной системы Speech Analyzer. На графике по оси абсцисс откладывается время в секундах, по оси ординат — частота основного тона голоса в герцах.

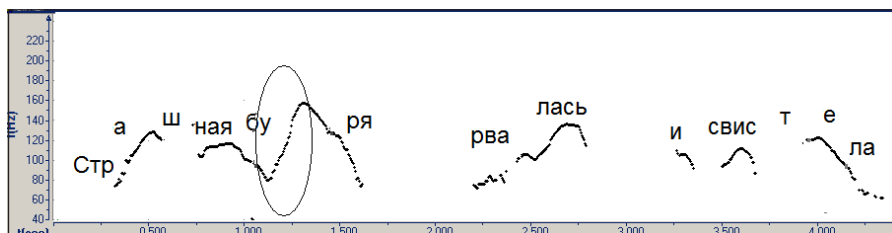

Рис. 1. Тонограмма примера (1) в исполнении О. Табакова.

Основное движение тона здесь — восходящее. Оно служит манифестантом темы. Кроме того, наблюдается предшествующее основному движению тона в противоположную сторону, которое «искривляет» подъем, что говорит об эмфатическом выделении⁴. То, что тема реализуется в эмфатической модификации, объясняется прямым указанием на то, что буря была страшная. На акцентоносителе конечной группы словоформе *свистела* наблюдается нисходящий акцент ремы. Перед нами коммуникативная структура Эмфатическая тема—Рема с эмфатической темой *страшная буря* и ремой *рвалась и свистела*.

В исполнении чтеца В. Герасимова этот пример дается в полной форме, как у Л. Толстого:

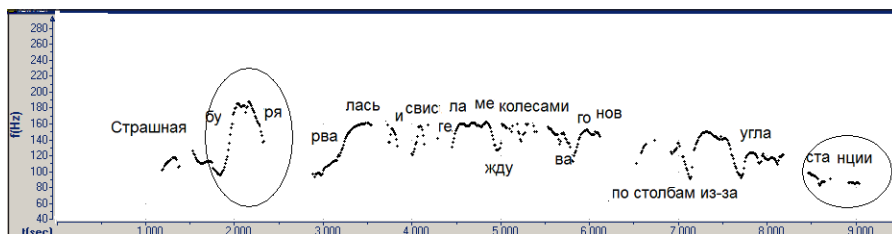

Рис. 2. Тонограмма примера (1) в исполнении В. Герасимова

Тонограмма демонстрирует подъем, манифестирующий тему, опять же в сопровождении эмфатического «искривления» на акцентоносителе темы словоформе *буря*, и сглаженное конечное рематическое падение на акцентоносителе ремы словоформе *станции*. (Слова-акцентоносители выделены овалом.) Трактовка В. Герасимова практически совпадает с трактовкой О. Табакова. Напомним, что И. И. Ковтунова предполагала в данном предложении как вариант для реализации группы *страшная буря* тему.

Обратимся к тонограммам чтения примера (2) из «Капитанской дочки» Н. Мартоном и И. Смоктуновским.

- (2) *Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу.*

⁴ Более детально о семантике и средствах выражения эмфазы см. [Янко, 2008а].

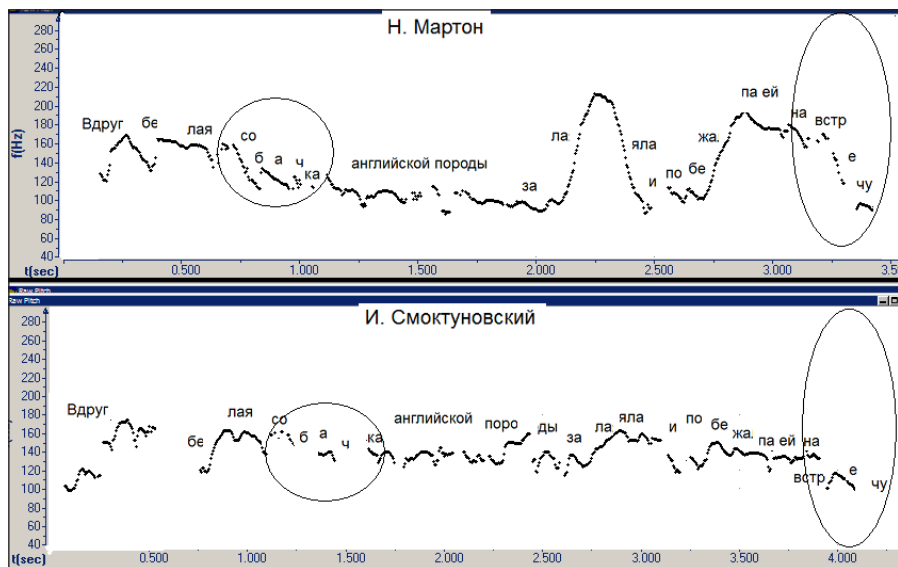

Рис. 3. Сравнительная тонограмма чтения примера (2) Н. Мартоном и И. Смоктуновским

Тонотграммы чтения предложения (2) Н. Мартоном и И. Смоктуновским на рисунке 3 говорят о единодушной трактовке этого примера обоими актерами. Можно наблюдать падение — более рельефное у Н. Мартона на верхней панели и почти ровный тон (отличный, однако, от восходящего акцента темы, который тоже можно было бы здесь ожидать) у И. Смоктуновского на нижней панели — на словоформе *собачка* (на обоих графиках словоформа *собачка* выделена овалом)⁵ и второе падение на акцентоносителе второй ремы *навстречу* (тоже выделено овалом), опять же — более крутое у Н. Мартона и более пологое у И. Смоктуновского. Первая рема соответствует компоненту появления на сцене ‘Появилась собачка’, вторая — характеризующему ‘Она залаяла и побежала...’. В трактовке других, кроме рем, компонентов примера (2) тоже имеется существенное сходство: и у Н. Мартона, и у И. Смоктуновского наблюдается подъем, служащий просодическим коррелятом темы на *вдруг*, подъемы незавершенности на *залаяла* и *побежала*. Восходящие акценты и вносимые ими значения — это ожидаемый элемент трактовки, они не имеют здесь принципиального значения. Существенно, что препозитивная группа *белая собачка* получает в обоих чтениях акцент ремы, носителем которого служит словоформа *собачка*. Оба исполнителя интерпретируют пример из Пушкина как структуру с двойной ремой. В принципе, трактовка этого предложения могла быть и другой, например, интерпретацией с начальной темой, как полагала И. И. Ковтунова. Между тем в анализируемых вариантах чтения интерпретации совпали.

⁵ О сдвиге акцента в атрибутивных именных группах типа *собачка английской породы* с словоформы *породы* на словоформу *собачка* см. [Янко 2012].

Структура с двойной ремой наиболее точно отвечает семантической трактовке предложений с начальным новым о совмещении в одном предложении двух сообщений, потому что при двойной реме каждому сообщению соответствует отдельная рема. Так, в предложении (2) имеется тема *вдруг*, начальная рема *белая собачка английской породы* и конечная рема *залаяла и побежала ей навстречу*.

Пример (3) из «Капитанской дочки» стал доступен нам в чтении трех исполнителей: И. Смоктуновского, Н. Мартона и В. Самойлова.

- (3) *Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.*

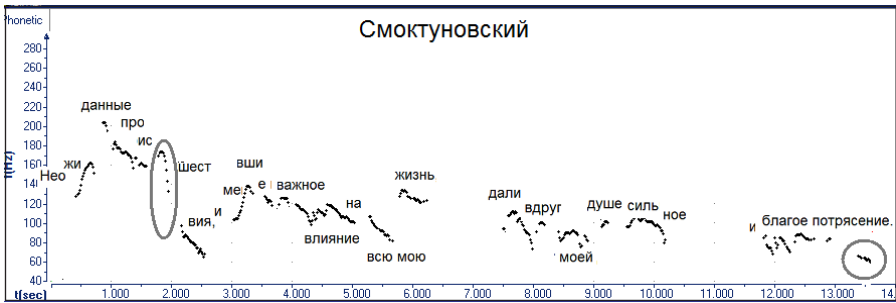

Рис. 4. Тонограмма примера (3). Чтение И. Смоктуновского

В чтении И. Смоктуновского ударный слог акцентоносителя начальной группы *неожиданные происшествия* словоформа *происшествия* получает нисходящее движение тона, которое характеризуется существенным перепадом частот (ударный слог выделен овалом). *Неожиданные происшествия* — это начальная рема, сегмент *дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение* — конечная рема. Кроме того, в (3) имеется определение *имевшие важное влияние на всю мою жизнь*, которое получает естественную в данном случае коммуникативную и интонационную интерпретацию: этот сегмент расположен после акцентоносителя начальной ремы и несет соответствующий относительно ровный и низкий тон. Поскольку это определение содержит референцию к первому лицу (ср. местоимение *мою*), т. е. соотносится с известной информацией (данным), можно предположить, что и автор, и чтец трактуют это определение как заударную тему. Кроме того, финал этого сегмента словоформа *жизнь* несет указание на то, что предложение еще не кончилось: словоформа *жизнь* получает подъем незавершенности.

Рассмотрим чтение того же предложения Н. Мартоном. С точки зрения тема-рематической структуры Н. Мартон дает членение, которое фактически совпадает с членением И. Смоктуновского:

Рис. 5. Тонограмма примера (3). Чтение Н. Мартона

Наблюдается то же падение на *происшествия*, которое маркирует начальную рему, подъем незавершенности на *жизнь* и конечное падение на словоформе *потрясение*, которая служит акцентносителем второй — характеризующей — ремы. И. Смоктуновский и Н. Мартон практически единодушны в просодической и, соответственно, тема-рематической интерпретации предложения (3). Интерпретация группы *неожиданные происшествия* как ремы поддержана семантикой словоформы *неожиданные*, которая сигнализирует об отсутствии объекта референции в зоне внимания слушающего. Это больше согласуется с функцией ремы, чем темы.

Третий исполнитель — В. Самойлов — дает тексту Пушкина иную интерпретацию.

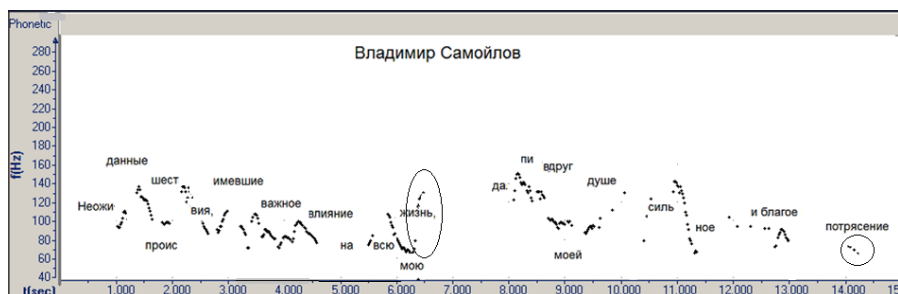

Рис. 6. Тонограмма примера (3). Чтение В. Самойлова

В. Самойлов интонирует начальную именную группу как тему, однако в состав темы он включает не только вершинную группу *неожиданные происшествия*, но и определение *имевшие важное влияние на всю мою жизнь*. Поскольку определение содержит референцию к первому лицу, вся именная группа, включая определение, может быть понята как известная адресату. Соответственно, группа *неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь* реализуется как цельная тема с акцентносителем словоформой *жизнь*. Акцентноноситель несет подъем тона, а остаток отходит к реме, о чем говорит падение на словоформе *потрясение*. В. Самойлов интерпретирует пример (3) как структуру Тема—Рема.

Анализ артикуляции этих и других примеров говорит о том, что наиболее частотным и эффективным приемом введения в рассмотрение нового объекта, которое одновременно сопровождается его характеристикой, служит структура с двумя ремами: начальной и конечной. Использование этой структуры — сугубо литературный прием. Он применяется в актерском чтении предложений, где начальная группа соотносится с новой информацией. К такой интерпретации чтеца подводит автор текста, располагающий новое в начале. В неподготовленной речи концентрация двух рем в одном речевом акте не используется. Предложениями, реализующими двойную рему, не говорят, а пишут, и двойная рема возникает в процессе чтения письменного текста. Кроме актерского чтения, коммуникативная структура с двумя ремами, заключенными в одном речевом акте, встречается в речи профессиональных лекторов и дикторов средств массовой коммуникации. На реализацию структуры с двумя ремами чтеца толкает не только расположение нового в начале, прием, который вводит в рассмотрение новый бытующий предмет, но также и достаточно весомый характеризующий компонент, расположенный «справа». При отсутствии характеризующего компонента может быть реализована структура с одной начальной ремой; примеры за недостаточностью места мы опускаем. Кроме того, «рематической» реализации с начальной ремой способствует компонент новизны, неожиданности, странности в семантике начальной группы, ср. лексему *неожиданные* в примере (3). Слова же, выражающие сильные чувства говорящего, ведут к реализации эмфатических модификаций начальной группы-нового, как в виде темы, так и в виде ремы, ср. чтение лексемы *страшная* в примере (1). Примеры с начальной эмфатической ремой у нас имеются, но за ограниченностью места мы их также опускаем.

2. Некоторые другие коммуникативные трактовки предложений с новым в начале

Рассмотрим несколько коммуникативных реализаций предложений с новым в начале, которые не охватил предыдущий раздел. В чтении примера (4) из «Капитанской дочки» И. Смоктуновским начальная группа-новое реализуется как простая тема.

- (4) *<Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку,>⁶ и слезы потекли по ее лицу.*

⁶ Необходимый контекст анализируемых примеров заключен в угловые скобки.

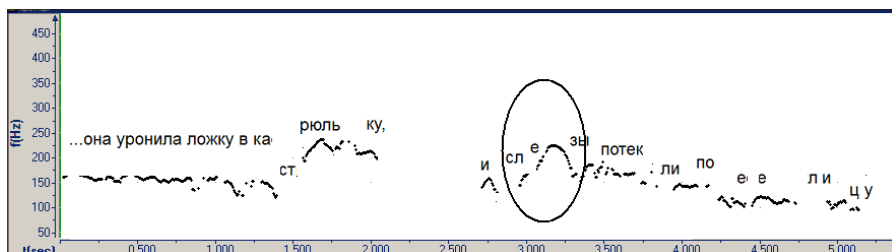

Рис. 7. Тонограмма примера (4)

«Тематическая» интерпретация начального нового объясняется тем, что слезы на лице у матери, которая думает о разлуке с сыном, трактуются исполнителем как ожидаемая реакция, или данное. Тонограмма демонстрирует подъем на ударном слоге акцентоносителя темы словоформе *слезы* плюс падение на заударном слоге. Это типичный акцент темы, ИК-3, по Е. А. Брызгуновой [1982, 103–118]. Словоформа *слезы* на тонограмме выделена овалом. Соответственно, *потекли по ее лицу* — это рема.

Предложения с начальным новым могут также изображать фон для событий, продвигающих повествование вперед. Мы называем здесь эту структуру «фоновой» ремой, хотя она имеет более широкий диапазон функций, чем маркирование фоновых событий. В примере (5) из рассказа И. Бабеля «Первая любовь» изложению действий героев противопоставлено описание интерьера, где разворачиваются события:

- (5) <Она обняла меня и повела по коридору ... Мы пришли на кухню...> Гусь жарился на кафельной плите...

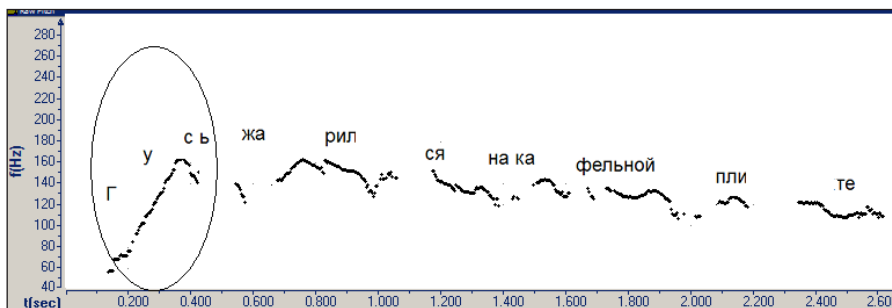

Рис. 8. Тонограмма примера (5)

Именная группа *гусь* в исполнении В. Самойлова несет подъем тона, за которым следует относительно ровное развертывание частоты вплоть до конца предложения. Начальные гласные существенно растянуты. Описание действий героев просодически противопоставлено описанию домашней обстановки. Это интонационная конструкция ИК-6 ([Брызгунова, 1982, 103–118]) плюс существенное

растяжение артикуляции. На тонограмме словоформа-акцентоноситель выделена овалом. Звучание приобретает «мечтательно-воспоминательный» характер.

Итак, начальная группа-новое в чтении в зависимости от лексической семантики и прагматического контекста может входить в следующие коммуникативные структуры:

- с двойной ремой;
- с простой начальной ремой;
- с начальной эмфатической ремой (простой и двойной);
- структурой Тема—Рема (с простой и эмфатической темой);
- с «фоновой» ремой.

Все структуры отличаются от базовой структуры Тема-Данное—Рема-Новое и вносят в семантику предложения и текста дополнительные смыслы.

3. Двойная рема в речи дикторов радио и телевидения

Кроме актерского чтения художественных текстов, специфический интонационный контур с двойной ремой широко используется в речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей. Этот риторический прием мы наблюдаем с семидесятых годов прошлого века. Очевидно, он использовался и до начала наблюдений. Специфика чтения определяется структурой текста, который читает диктор: сегмент, обозначающий новое, помещен автором текста в начало предложения, и в этом же предложении введенному в рассмотрение объекту или событию, дается определенная характеристика. Особенностью речи дикторов служит повышенная по сравнению с предложениями, начинающимися с темы, начальная частота основного тона. Это объясняется тем, что в предвидении близкого падения диктор «набирает высоту», которая обеспечивает достаточно рельефный перепад частот на ударном слоге акцентоносителя первой ремы, расположенного близко к началу предложения. Акцентоноситель второй — конечной — ремы несет второй нисходящий акцент. Рассмотрим один пример из программы новостей:

(6) *Сократить сбор разведданных обещает Барак Обама.*

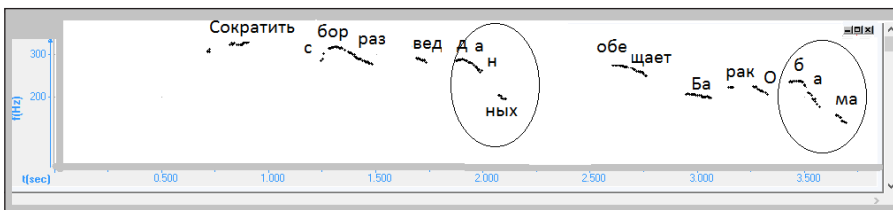

Рис. 9. Тонограмма примера (6).

Тонограмма демонстрирует падение на ударном слоге акцентоносителя начальной ремы словоформы *данных* и второе падение на акцентоносителе второй

ремы *Обама*. Слова-акцентоносители выделены овалами. Перед нами типичная структура с двойной ремой со специфически «концентрированным способом» подачи информации: начальная рема вводит в рассмотрение новый объект — сокращение сбора разведанных, вторая рема содержит сообщение о том, что пообещал сократить разведывательную деятельность не кто иной, как президент Обама.

Анализ интонационной структуры массива предложений с начальной группой-новым подтверждает гипотезу И. И. Ковтуновой о совмещении в таких предложениях двух сообщений: первого, вводящего в рассмотрение новый объект или событие, и второго, дающего в том же предложении этому объекту определенную характеристику. Между тем в анализ соответствующих этой семантике коммуникативных структур внесены некоторые уточнения. Предложения с начальной группой, обозначающей новое, реализуется в речи чтецов и дикторов в зависимости от прагматического контекста и лексической семантики предложения в виде следующих коммуникативных структур: двойной ремы; одиночной начальной ремы, простой и эмфатической; начальной темы, простой и эмфатической, и «фоновой» ремы. Структурой, которая наиболее эффективно выражает идею о совмещении в одном предложении двух сообщений, становится структура с двойной ремой. Эта структура весьма частотна в речи актеров, дикторов и лекторов, однако в неподготовленной речи она не используется. В спонтанной речи заготовленное пропозициональное содержание, разбивается на два речевых акта. Таким образом, на примере анализа коммуникативных структур особого типа предложений было показано, что обращение к реальным образцам чтения, широкий охват материала и использование современных средств инструментального анализа позволяют увидеть большее разнообразие комбинаций тем и рем, реализующих информационную структуру с новым в начале, чем это виделось ранее с использованием интроспекции.

Литература

1. *Брызгунова Е. А.* (1982) Интонация, Русская грамматика, том 1, Наука, Москва, сс. 103–118.
2. *Ковтунова И. И.* (1976) Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения, Просвещение, Москва, сс. 103–118.
3. *Ковтунова И. И.* (1979) Структура художественного текста и новая информация, Наука, Москва, сс. 262–274.
4. *Янко Т. Е.* (2008а) Просодические средства эмфазы. Языки славянских культур, Москва, сс. 658–668.
5. *Янко Т. Е.* (2008b) Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте Языки славянских культур, Москва.
6. *Янко Т. Е.* (2012) К классификации падежных и предложно-падежных конструкций. Критика и семиотика, Вып. 17, сс. 155–164.
7. *Chafe W.* (1976) Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View, in *Subject and Topic*, Academic Press, New York, pp. 25–55.

References

1. *Bryzgunova E. A.* (1982) Intonation [Intonatsija], Russian Grammar [Russkaja grammatika]. Vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 103–118.
2. *Chafe W.* (1976) Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View, Subject and Topic, Academic Press, New York, pp. 25–55.
3. *Kovtunova I. I.* (1976) Modern Russian. Word order and theme-rheme division of a sentence [Sovremennyj russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenije predlozhenija]. Prosveshchenije, Moscow, pp. 103–118.
4. *Kovtunova I. I.* (1979) Fiction text structure and the new information [Struktura hudozhestvennogo teksta i novaja informatsija], Text syntax [Sintaksis teksta], Nauka, Moscow, pp. 262–274.
5. *Yanko T. E.* (2008a) Emphasis prosody [Prosodicheskie sredstva emfazy], Phonetics and non-phonetics [Fonetika i nefonetika], Jazyki slavjanskih kul'tur, Moscow, pp. 658–668.
6. *Yanko T.* (2008b) Intonatsionnye strategii russkoj rechi v sopsnavitel'nom aspekte [Intonational strategies of the Russian speech from a contrastive perspective]. Jazyki slavjanskih kul'tur, Moscow.
7. *Yanko T. E.* (2012) Taxonomy of prepositional and case constructions: the prosodic data [K probleme klassifikatsii padezhnyh i padezhno-predlozhnyh konstruksij: dannyje prosodii]. Criticism and semiotics [Kritika i semiotika], Vol. 17, pp. 155–164.